

Глава 7

Едва забрезжил рассвет, а усадьба уже сияла огнями: слуги суетливо, но слаженно готовились к торжественному визиту Ванфэй в отчий дом.

Пусть даже в роли супруги князя выступал мужчина, любое пренебрежение обрядом возвращения к родителям сочли бы за дерзость по отношению к императорской семье. А потому празднество должно было стать настолько пышным и торжественным, насколько позволяли приличия.

Госпожа Чжэн, супруга маркиза, лично надзирала за приготовлениями к пиршеству. Однако к середине дня, когда миновал час Змеи, у ворот усадьбы по-прежнему было пусто. В столице еще не бывало случая, чтобы молодожены заставляли ждать себя до самого обеда.

В главном зале чай успел остыть уже трижды.

Одетая в расшитые темно-зеленые шелка, госпожа Чжэн мерила комнату шагами, нервно комкая в руках платок.

— Хоуе, всё уже готово к приему. Скоро полдень, а из усадьбы князя нет никаких вестей... Боюсь, над нашим домом скоро начнут потешаться.

Чу Цзин, сжимая в руке чашку, лишь холодно усмехнулся:

— С тех пор как огласили указ о свадьбе, усадьба маркиза Чжэньюань и так стала посмешищем для всей столицы. Одним разом больше, одним меньше — невелика разница.

Супруга маркиза не могла скрыть тревоги:

— Но в городе до сих пор шепчутся о Чжаоцзяне. Неужто за эти дни что-то пошло не так?

Маркиз опустил взгляд на чайники, плавающие в чашке, и промолчал.

Весть о том, что Цзи Сюнь пришел в себя в брачную ночь, уже разлетелась по всем закоулкам. Вся столица сокрушалась, что Бог Несчастий выжил — воистину, небеса несправедливы. Пока князь пребывал в забытии, многие спешили втоптать его имя в грязь, веря, что конец его близок. Теперь же, когда он «вернул душу», все ждали, что Бешеный пёс по своему обыкновению сорвется с цепи.

Но последние два дня в усадьбе Цзин-вана царило подозрительное спокойствие.

Ради спасения Чу Чжаоцзяна они поставили всё на подмену. Затея эта изначально была шита белыми нитками, и Чу Цзин заранее предвидел возможные исходы. Либо обман раскроется в первую же ночь и Чу Чжаохуая казнят, либо мальчишка окажется достаточно

сообразительным, чтобы промолчать ради собственного спасения.

Первый исход был бы даже предпочтительнее. Но если случилось второе...

Его мысли прервал вбежавший слуга:

— Хоуе! Карета Цзин-вана у ворот!

Рука маркиза дрогнула, расплескав несколько капель чая. Он закрыл глаза и залпом допил остывший напиток, чувствуя, как внутренности сковывает ледяной холод.

«Значит, всё-таки второе...»

Пышный выезд князя больше напоминал не мирный визит, а военный поход, призванный подавить волю врага. Горожане, хоть и до смерти боялись Цзи Сюня, не могли удержаться от любопытства и издали наблюдали за грозным строем гвардейцев.

Тяжелая карета медленно замерла перед воротами усадьбы маркиза Чжэньюань.

Стоило экипажу остановиться, как Чу Чжаохуай подобрал полы одеяния, готовясь выйти, но краем глаза заметил, что Цзи Сюнь всё так же лениво прислонился к стенке. Глаза его были закрыты, словно он уснул.

— Ванъе? — тихо позвал Чжаохуай. — Ванъе.

Тот даже не шелохнулся, лишь издал ленивое «м-м», давая понять, что он всё ещё жив.

Юноша, будучи «деревенщиной» и не зная толком столичных правил, осмелился напомнить:

— Мы приехали.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь занавеси, золотили лениво прикрытые веки Цзи Сюня. Он отозвался с обманчивой мягкостью в голосе:

— Да, приехали... Подожду, пока сон окончательно развеется, а потом мы вместе сойдем с колесницы. Отвесим твоему отцу три земных поклона и девять раз коснемся лбом земли, а после будем долго стоять на коленях, благодаря маркиза за то, что соизволил устроить столь чудесный брак.

Чу Чжаохуай: «...»

Обычно с Цзи Сюнем можно было ладить, но его внезапная язвительность была наотмашь.

Ошарашенный таким отпором, юноша подумал:

«Если о нем и ходит столько дурных слухов, то виной тому наверняка этот язык, острый как меч»

Раз уж он вошел в императорскую семью, то стал Ванфэй, и каков бы ни был титул Чу Цзина, он оставался лишь подданным. По правилам, маркиз не мог не выйти встречать столь высоких гостей.

Чжаохуай послушно ждал в карете, поглядывая в щель занавески.

Вскоре у ворот показались Чу Цзин и госпожа Чжэн в окружении толпы слуг. Подойдя к подножию лестницы, они почтительно сложили руки в приветствии:

— Приветствуем Ванье и Ванфэй.

Чжаохуай вздрогнул, и занавеска выпала из его рук, скрывая свет. Родной отец кланяется ему — не иначе как к сокращению срока жизни.

Услышав приветствие, Цзи Сюнь наконец неспешно открыл глаза и Золотым посохом с навершием в виде голубя легонько стукнул в стенку кареты.

Инь Чжуншань, приняв приказ, опустил аппарат и привычно спустил кресло-коляску на землю.

Юноша, боясь ненароком нарушить этикет и снова получить «удар» вежливой язвительности князя, молча тенью следовал за ним, стараясь сохранять достойный вид.

Маркиз всё еще стоял, согнувшись в поклоне, но его взгляд, полный неприязни, впился в Чжаохуая, лицо которого скрывала вуаль. Брови Чу Цзина гневно сошлись на переносице.

Цзи Сюнь лениво восседал в своем кресле. Несмотря на яркое зимнее солнце, грело оно слабо, однако Инь Чжуншань раскрыл над князем зонт с бамбуковыми спицами и золотым шитьем — не дай бог Ванье перегреется.

Чжаохуай невольно поежился, в очередной раз гадая, что же за странный недуг терзает князя.

Вся челядь маркиза продолжала стоять в поклоне, у многих уже начали ныть спины, но Цзи Сюнь, казалось, вовсе их не замечал. Вместо этого он мягко спросил супруга:

— Ванфэй замерз?

— Я не...

Едва он успел обронить два слова, как Цзи Сюнь едва заметно прищурился. Сердце юноши екнуло.

«Беда! Неужто ответ „мне не холодно“ тоже нарушает какой-то дворцовый запрет?»

Чжаохуай мгновенно перестроился, и хоть не понимал, в чем оплошал, на ходу сменил тон:

— Я не... не столь крепок телом, как Ванъе, чья кровь горяча словно пламя. Разумеется, я мерзну.

Цзи Сюнь улыбнулся и небрежно протянул руку. Инь Чжуншань тут же положил ему на предплечье роскошную накидку из соболя.

— Склонись, — негромко велел Цзи Сюнь.

В недоумении, но безропотно, юноша наклонился.

Князь приподнял руку, и подбитая благовониями соболя мантия опустилась на плечи Чжаохуая. Неожданная тяжесть заставила его согнуться еще ниже.

Они оказались совсем рядом. Сквозь черную вуаль Чжаохуай растерянно смотрел на мужа, и с такого расстояния смог разглядеть даже крошечный шрам у его левой брови.

«Что он делает? Неужто и впрямь заметил, что я мерзну, и решил укрыть?»

Когда два дня назад Цзи Сюнь велел готовить для него горячую еду, Чжаохуай счел это проверкой. Теперь же он чувствовал лишь неловкое смущение от такой заботы.

«Внимателен и добр... Где же тут безумие? Обычные сплетни»

Лишь когда расшитая золотом мантия — дар самого императора — была надежно закреплена на плечах Ванфэй, Цзи Сюнь словно опомнился и обратил взор на встречающих.

— Чжуншань, кто это перед нами?

— Ванъе, — отозвался тот, — это хозяин усадьбы, маркиз Чжэньюань, Чу Цзин.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— А, так это брат Чу.

Чу Цзин: «...»

Назвать собственного тестя «братом» перед толпой слуг было намеренной пощечиной. Маркиз потемнел лицом, из последних сил сдерживая гнев.

Инь Чжуншань поспешил разыграть роль миротворца:

— Ванъе, вы снова позабыли. Вы же сочетались браком с Сяо-хоуе из рода Чу, и сегодня день вашего первого официального визита в дом его родителей.

Цзи Сюнь издал короткое «о», словно и впрямь только что вспомнил:

— Совсем память подводит. Эти дни были столь суетными, что я забывал принимать лекарства и перестал узнавать людей. Маркиз, надеюсь на ваше понимание.

Чу Цзин процедил сквозь зубы:

— Ванъе шутит... Ваша жизнь — бесценный дар небес, и даже под их защитой не стоит пренебрегать помощью врачей. Следуйте их советам, и здоровье непременно вернется.

Цзи Сюнь, словно не заметив, что тесть фактически назвал его больным, улыбнулся:

— Благодарю за добрые слова.

Они обменялись еще парой фраз.

Чжаохуай слушал их перепалку с растущим недовольством. Когда на второй день после свадьбы евнух Сюй принес дары из дворца, князь тоже вел себя так, словно никого не узнает — вероятно, это и впрямь было последствием болезни. Даже личный слуга императора не обиделся, а его отец стоит с таким лицом, будто лимон проглотил. Слишком уж он придиричив.

Госпожа Чжэн, видя, что обстановка накаляется, поспешила вмешаться:

— Ванъе, Ванфэй, обед уже подан. Просим вас войти в дом.

Цзи Сюнь даже не удостоил её взглядом. Слегка повернув голову к супругу, он спросил:

— Ванфэй проголодался?

Юноша на миг замешкался, не зная, положено ли ему сейчас хотеть есть, и осторожно ответил:

— Я... наполовину голоден, а наполовину сыт... пожалуй.

Инь Чжуншань: «...»

«Наполовину сыт... Ну и сказанул. Ишь, „пожалуй“»

Цзи Сюнь мазнул по нему взглядом и сухо бросил:

— Раз Ванфэй голоден, заходим.

Слуги маркиза расступились, пропуская гостей в дом.

В детстве Чжаохуай постоянно страдал от выходок Чу Чжаоцзяна, а когда вернулся из Линьяня, его и вовсе принимали как незваного гостя — даже входить заставляли через заднюю калитку. Впервые в жизни он шел через парадные двери под почтительными взорами. Чувствуя себя «лисой, заимствующей величие тигра», он ощущал странную смесь торжества и неловкости.

Тем более что Чу Цзин продолжал сверлить его тяжелым взглядом.

Чжаохуай украдкой посмотрел на отца.

«Мало того что подставил меня под удар, отправив на верную смерть вместо брата, так еще и приданое обобрал почти вдвое... Я еще не успел потребовать свое добро обратно, а он уже смеет злиться? Откуда только такая наглость?»

Цзи Сюнь, казалось, не замечал их игры взглядов. Когда Инь Чжуншань покати́л его кресло к главному залу, взгляд князя упал на табличку над входом в одну из малых палат.

Зал Шуйюй.

— Какое необычное и изысканное название, — обронил Цзи Сюнь. — Откуда оно взялось?

Чжаохуай бросил взгляд на табличку и мгновенно побледнел.

Чу Цзин всегда был пристрастен. В те времена, когда Чжаохуай был ребенком, усадьба маркиза Чжэньюань еще не знала нынешнего упадка. Как-то раз старый друг семьи прислал в подарок два куска чистой водной яшмы, велел отдать по одному каждому сыну. Маркиз с улыбкой принял дар, но тут же отдал оба камня Чжаоцзяну.

Маленький Чжаохуай плакал и умолял дать ему поиграть хотя бы с одним камнем, за что отец

запер его на несколько дней. Позже Чжаоцзян, желая побольнее уколоть брата, велел вырезать свое имя на обоих камнях и даже переименовал столовую залу, чтобы каждый раз напоминать Чжаохуаю о его никчемности.

Удивительно, но спустя столько лет это вздорное название так и не сменили. Видно, маркиз и впрямь души не чаял в старшем сыне, раз ради него пошел на подлог и отправил другого ребенка на смерть.

Чу Цзин, боясь, что Чжаохуай сболтнет лишнего, поспешил ответить сам:

— В имени Ванфэй есть знак «Чжао», связанный со стихией воды, а «Юй» — нефрит — добавлено для пожелания процветания дому. Значение простецкое, не обессудьте, Ванъе.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Действительно, проще некуда. Позвольте мне немного позубоскалить над этим.

Чу Цзин: «...»

Чжаохуай глубоко вздохнул.

«Ох, и мастер же он сочинять! Пожелание процветания? Почему же тогда не назвал зал „Ранней кончиной“?»

Сначала юноша хотел промолчать ради общего мира, но чем больше он думал, тем сильнее закипала в нем обида. От ярости в голове помутилось.

Сделав глубокий вдох, он негромко, но отчетливо произнес:

— Отец, раз уж зашел разговор... Когда Чжаоцзян уезжал, он в спешке забыл забрать тот кусок нефрита, что вы мне когда-то подарили. Помнится, он должен был лежать вместе со списком моего приданого из ста двадцати сундуков. Не сочтете за труд, распорядитесь принести его мне?

Лицо Чу Цзина заледенело. Пытаясь сохранить видимость спокойствия, он выдавил:

— Это лишь безделушка, грошовый камень...

Чжаохуай притворно вздохнул, изображая печаль:

— Но на нем же имя, вырезанное вашей рукой специально для меня! Чжаоцзян всегда дорожил им как зеницей ока, он считал его своим оберегом. Стоило расстаться с ним на пару дней, как он уже места себе не находит от беспокойства.

Чу Цзин: «...»

«Внешне просит камень, а на деле — угрожает выдать правду о подмене»

Маркиз уже открыл рот, чтобы возразить, но Цзи Сюнь, вдоволь нахохотавшись над названием залы, посмотрел на них и заметил:

— Ванфэй, я погляжу, ты полон сыновнего почтения к маркизу.

Чу Цзин не мог открыто перечить Чжаохуаю в присутствии князя. С трудом сдержав ярость, он велел слугам принести нефрит и список приданого.

На душе у Чжаохуая полегчало.

Оставив позади злополучный Зал Шуйюй, они вошли в главные покои. Здесь всё сияло чистотой и изяществом — к их приходу накрыли богатый стол. Цзи Сюнь ел только холодное, и об этом знала вся столица. Как бы Чу Цзин ни ненавидел гостя, все блюда подали согласно привычкам князя — над столом не вилась ни облачка пара.

Хоть это и был семейный обед, князь крови не мог сидеть за одним столом с подданными, поэтому места для Цзи Сюня и Чжаохуая устроили отдельно, во главе зала.

Сколько юноша себя помнил, и в этом доме, и в Линьане его всегда усаживали в самый дальний угол. Теперь же, благодаря Цзи Сюню, он оказался на самом почетном месте.

Он уселся, едва сдерживая торжество, и то и дело поглядывал на дверь, ожидая, когда принесут нефрит и список приданого.

Ванье вел себя как хозяин, чувствуя себя здесь даже вольготнее, чем в собственной усадьбе. Закинув ногу на ногу, он небрежно бросил:

— У Ванфэй слабое здоровье, он не выносит холода. Велите заменить половину блюд на горячие.

Чу Цзин замер от неожиданности.

Репутация Цзи Сюня была скверной: при всей своей красоте он слыл человеком без сердца. До ранения он был заносчив и дерзок, а после стал и вовсе непредсказуем. Порой он мог улыбаться, источая нежность, но за этой маской всегда таилась смертельная угроза. Он был подобен хищнику, наделенному безграничным терпением: он прятал когти и играл с жертвой. И стоило добыче поверить, что она в безопасности, как он безжалостно вонзал клыки в её плоть.

Маркиз никогда еще не слышал от этого человека ни единого слова участия. Тем более — заботы о ком-то другом.

В голову Чу Цзина закралась пугающая мысль. Он невольно посмотрел на Чжаохуая. Тот сидел рядом с князем, прикрыв лицо вуалью и, кажется, совершенно не осознавал, насколько необычно поведение его «супруга». В фиолетовых одеждах и собольей мантии, доступной лишь императорскому роду, он вдруг обрел ту самую величавость, что присуща лишь высшей знати.

А это лицо, так похожее на госпожу Бай, с родинкой на щеке... Чу Цзин всегда ненавидел эту красоту.

Сердце маркиза забилося чаще, а по спине пробежал холодный пот.

«Неужто Цзи Сюнь... и впрямь увлекся им?»

<http://bllate.org/book/15341/1372770>